

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

С.А. КОРОТАЕВ,
О.И. ШКАРАТАН,
Е.Н. ГАСЮКОВА

Постсоветская государственность и общество.**Статья 2. Реформы 90-х: на пути к социальному контракту с новой номенклатурой***

В статье 2 (статью 1 см. ОНС, 2017, № 4) продемонстрированы факторы, определившие направления реформ в социальной политике в 1990-е гг. в России, главным образом в трудовой сфере: это наличие инерции социальной политики советского времени совместно с влиянием тех моделей социального государства, которые были реализованы в западных странах. Показано, что переход от квазирыночных трудовых отношений раннего постсоветского периода к реально рыночным в России был отягощен борьбой правящих кругов, пытавшихся направить курс социальной политики в наиболее выгодное для себя русло. На этом этапе корректировке был подвергнут формат общественного договора, характер построения рынка труда, степень его конкурентности, мера зависимости от бюрократии, что повлекло за собой утверждение, скорее, государственно-монополистического корпоративистского капитализма.

Ключевые слова: социальная политика, трудовые отношения, социальный контракт, постсоветская Россия.

За четверть века, прошедших со времени посткоммунистических революций на огромном пространстве Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза, накоплен огромный опыт проведения различных экономических и социальных политик. Руководство этих стран возглавляли и откровенные коммунисты, и активные либералы. На практике осуществлялись и дирижистская, и неолиберальная политика. Каждая из этих политик сопровождалась как грандиозными успехами, так

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10270).

Коротаев Сергей Александрович — стажер-исследователь Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ). Адрес: 115054, Москва, Малая Пионерская, 12. E-mail: skorotaev@hse.ru.

Шкаратан Овсей Ирмович — доктор исторических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий Лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ ВШЭ, председатель редакционного совета журнала “Мир России. Социология. Этнология”. Адрес: 119049, Москва, ул. Шаболовка, д. 26, стр. 4. E-mail: ovsey@hse.ru.

Гасюкова Елена Николаевна — стажер-исследователь Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ ВШЭ. Адрес: 115054, Москва, Малая Пионерская, 12. E-mail: egasyukova@hse.ru.

и столь же масштабными провалами. Удачи и неудачи сопровождали при этом политиков самых разных убеждений.

Нет, пожалуй, области более инертной, чем политика содействия развитию демократии, конкуренции, достижения экономического роста и особенно принятию решений в социальной сфере. Сказываются и ограниченность материально-финансовой ресурсной базы, и слабость кадрового состава (все годы советской и постсоветской власти здесь сосредоточивались наименее продвинутые администраторы и аналитики²). Главное же состояло в опасности обрушения стабильности, неустойчивого баланса интересов “власть — элита — массы” при разрушительном эгоизме элиты и консерватизме обездоленных низов с их устойчивым недоверием к новациям властвующих.

Для новой российской государственности важно было определиться, какая модель политики в социальной сфере наиболее адекватно могла бы соответствовать как потребностям российского населения, так и возможностям состояния российской экономики. Два фактора были определяющими при выборе направления реформ в социальной сфере. Первый — инерция социальной политики советского времени. Второй — влияние моделей социальной политики, проводимой в западных странах. Рассмотрим каждый из этих факторов — предпосылок конструирования социальной политики новой государственности.

Советское наследие

Советская социальная политика в реальности была политикой защиты интересов номенклатуры, хотя внешне она представлялась как политика защиты интересов трудящихся. Под маской “поддержки материнства, детства, пенсионеров” и т.д. советское тоталитарное государство долгие годы проводило очень жесткую политику, направленную на формирование системы мер по максимальному благоприютствованию представителей номенклатуры. Например, использовались ограничительные меры, препятствующие развитию интеллигенции и в то же время стимулирующие формирование интеллектуальной элиты, тесно связанной с номенклатурой, и т.д. [*Радаев, Шкаратан* 1996, с. 277–279; *Андреев* 1989; *Гайдар* 1992; *Гайдар* 1995].

Однако, прикрываясь успешным мифотворчеством, советская политика декларировалась как политика защиты интересов различных социальных групп, составлявших советское общество, и прежде всего городских рабочих. Поэтому, говоря о советской государственной политике, следует различать ее доминирующую составляющую, направленную на защиту интересов номенклатуры (при учете интересов других социальных групп), и “мифотворческую”, включавшую такие аспекты, как декларация (провозглашение) ведущей роли рабочего класса и приоритетного соблюдения его интересов, равенство шансов всех членов общества при их социальном старте, равенство этнонациональных групп и т.д.

Что же касается такого аспекта, как степень осознанности номенклатурой реального содержания проводимой социальной политики, то она с течением времени возрастала, как возрастала и самоидентификация представителей господствующего слоя, в отличие от других слоев, во многом веривших в реальность именно “мифологической” компоненты политики. В номенклатуре существовала циническая осознанность реальной направленности решений в социальной сфере, поскольку скрытые от общества привилегии для тех, кто ими пользовался, были очевидны и открыты.

Как известно, официальная государственная стратегия в бывшем СССР трактовалась как система организационных мер, направленных на конкретные преобразования в социальной сфере (например, увеличение количества врачей или учителей, рост масштабов жилищного строительства и т.д.). При этом система социальной защиты включала три основные компоненты:

² Данное утверждение основано на собственных наблюдениях одного из авторов, имевшего опыт работы в первом правительстве РФ (в должности советника правительства).

1. Право на труд, которое декларировалось как одно из важнейших достижений советской государственности. Каждому члену общества, по крайней мере формально, было гарантировано рабочее место в соответствии с полученным образованием и квалификацией. Большинство населения было убеждено в естественности и постоянстве полной занятости, безработица представлялась признаком западного образа жизни. На деле это право было подкреплено постоянным дефицитом рабочей силы преимущественно на тяжелых и неквалифицированных работах.

2. Систему гарантированных и предоставляемых государством бесплатно услуг, таких как образование, здравоохранение, физическая культура и спорт, а также пенсионного обеспечения. Значительная часть этих социальных благ и услуг (жилье, образование, здравоохранение, отдых) распределялась бесплатно или льготно через предприятия. Реальный доступ к особо дефицитным товарам и услугам (например, приобретение автомобиля, ряда товаров длительного пользования, получение садового участка, обеспечение продовольственными заказами) также зависел от места работы.

3. Систему административно регулируемых цен, гарантировавшую доступность товаров и услуг “первой необходимости” (продукты питания, жилье, общественный транспорт и т.д.) лицам с низкими доходами [Maïer 1988; Lapidus, Swanson 1988; Рабочий... 1985].

В СССР человек не был ни гражданином (ввиду отсутствия гражданского общества), ни свободным агентом трудовых отношений; в общественно-политической сфере это был подданный государства, а в экономике — государственно зависимый работник, который не имел права на самозащиту и свободу и даже не помышлял о борьбе за свои права, принимая от государства любую подачку как благо, не задумываясь, действительно ли это благо и насколько оно необходимо. В СССР на протяжении длительного времени любой человек был “работником единой государственной фабрики”, что принципиально отличает условия формирования и конечную модель государственной политики в СССР и на Западе. Государство в СССР поэтому выступало как носитель господства по отношению к подданным.

Уже после обрушения Советского Союза вышла из печати в определенной мере итоговая статья Г. Стендинга, чьи суждения приводятся ниже [Standing 1996, p. 225–255]. Анализируя вопрос о приложимости термина *Welfare policy*, Стендинг напоминает, что классическое государство благосостояния имеет семь потенциальных функций: облегчение бремени бедности; предотвращение обнищания населения; обеспечение социальной защиты граждан; перераспределение доходов; препятствование росту “социальной солидарности”; обеспечение равенства возможностей для трудовой мобильности; создание условий для экономического роста, структурной реорганизации экономики и гибкости рынка труда.

Согласно Стендингу, прежняя советская система достаточно хорошо справлялась с выполнением ряда перечисленных функций, в особенности первых четырех, при практическом забвении последних двух. По его мнению, система, павшая в 1980-х гг., опиралась на экстенсивное обеспечение безопасности низкого уровня доходов, сдерживание неравенства и отсутствие возможностей трудовой мобильности. В то же время пик послевоенного государства благосостояния в Западной Европе основывался на безопасности доходов, ограничении неравенства и наличии адекватных возможностей мобильности и занятости. Обе системы провозглашали обеспечение полной занятости, хотя по-разному понимали смысл этого термина.

В условиях зрелого индустриального общества, и тем более постиндустриального, важнейшим условием высокой динамики экономического развития становится гибкость рынка труда и мобильность рабочей силы (межотраслевая, профессиональная, территориальная). Между тем вся система моральных и материальных поощрений, а также распределения социальных благ в СССР традиционно была ориентирована на закрепление профессионального и квалификационного статусов работника в сфере производства, на их стабильность на рабочих местах, в профессиях, по месту жительства. Такое наследство досталось новой России в сфере решения социальных проблем.

Первые шаги правительства Егора Гайдара

В России 1990-х гг. (впрочем, и позднее) государство оставалось главным субъектом принятия решений по проблемам динамики уровня жизни и положения социальных низов. Переход к рыночной экономике продемонстрировал, с одной стороны, необходимость активной социальной поддержки значительных групп населения, оказавшихся в критическом положении, а с другой — невозможность сохранения масштабов социальной защищенности даже на том уровне, который обеспечивался в недавнем прошлом. В постсоветской России вектор действий политиков, контролировавших принятие решений в социальной сфере в 1990–2000-х гг., в решающей степени складывался под влиянием неоконсервативной волны, шедшей в те годы прежде всего из США и Великобритании.

Социальная политика начального периода постсоветской России представляла собой комбинацию постепенно слабевшей демократической тенденции и нараставшей неолиберальной (а точнее — неоконсервативной) тенденции. К демократическим в интересах подавляющего большинства населения мерам в области социально-экономической политики можно отнести бесплатную приватизацию жилья, предоставление в собственность участков земли для семейного пользования и ряд других менее значимых решений. В своем выступлении 28 октября 1991 г. на V съезде народных депутатов РСФСР президент Б. Ельцин изложил программу форсированных экономических реформ, подготовленную группой экономистов во главе с Е. Гайдаром. Она включала комплекс мер по социальной защите населения. В их число входили:

- снятие ограничений на рост заработной платы;
- увеличение зарплаты работникам бюджетных организаций и учреждений (здравоохранение, образование, наука, культура, правоохранительные органы, органы управления и др.) примерно на 90%;
- повышение социальных пособий и компенсационных выплат семьям с детьми, матерям, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, официально зарегистрированным лицам, потерявшим работу, одиноким матерям, а также другим социально незащищенным категориям на 90%;
- сглаживание перекосов в доходах, возникших после 1985 г. и вызывающих недовольство людей (разрыв в доходах между работниками государственных предприятий и представителями новых коммерческих структур);
- компенсация роста цен для людей, живущих на зарплату, прежде всего в госсекторе, и разумное ограничение (посредством нового налогового механизма) безудержного роста доходов у представителей других секторов экономики, в определенной степени выравнивая условия для “старта” в рынок. Смысл реформы — в стимулировании активного, творческого, добросовестного труда;
- переход к практике ежегодного заключения Генеральных соглашений по социально-экономическим вопросам между правительством и объединениями профсоюзов и предпринимателей с целью более гибкого регулирования уровня зарплат;
- немедленная коммерциализация оптовой и розничной торговли, общественного питания, бытового обслуживания населения: а) упразднение системы управления торговлей и специализированных торгов; б) объявление магазинов, столовых и т.д. самостоятельными предприятиями с расчетным счетом, правами юридического лица, экономической ответственностью за результаты деятельности [Коломиец, Улюкаев, Шкаратан 1994].

Тогда же, в конце 1991 г., правительство Гайдара, утвержденное 6 ноября 1991 г. Указом Президента³, поручило только что созданной Федеральной службе занятости (ФСЗ), во главе которой были поставлены высококомпетентные специалисты, опираясь на западный опыт, выработать основные принципы политики занятости при переходе к рыночной экономике. Исходным моментом стал решительный отказ от

³Хотя реформы фактически осуществляла команда Гайдара, председателем правительства был утвержден сам Ельцин.

всех несвобод личности в сфере трудовых отношений, доставшихся в наследство от советского режима. Непременными задачами политики занятости были признаны⁴:

- максимальное привлечение на рынок рабочей силы трудоспособных граждан;
- обеспечение рабочими местами всех желающих;
- создание условий для развития профессионализма и компетенции;
- создание рабочих мест, конкурентоспособных в рамках национального и мирового рынков труда;
- направленность политики на содействие полной, продуктивной и свободно избранной занятости, что означало: приоритетное право выбора между участием и неучастием в общественном труде должно принадлежать самому человеку;
- причина пресечения добровольной незанятости может быть одна — незаконный источник средств существования;
- право гражданина на свободно избранную занятость не есть обязательство общества удовлетворить желание каждого, а право как возможность;
- занятость может быть полной, если все изъявившие желание иметь оплачиваемую работу ее имеют;
- полной может считаться лишь та занятость, при которой удовлетворяется потребность населения в искомых рабочих местах, то есть с учетом их качественных характеристик;
- стать безработным не должно быть выгодно ни в экономическом, ни в социальном плане;
- материальная помощь потерявшим работу — важная, но не главная задача политики занятости.

Совершенно не учитывалось то, что в России большинство домохозяйств не располагало материальными и финансовыми ресурсами на период адаптации к новой социально-экономической ситуации. Более того, одним из элементов “шоковой терапии” была конфискация всех сбережений населения и предприятий в первые месяцы 1992 г. в результате отпуска цен без всякой компенсации по вкладам в банках и сберкассах. К началу реформ у населения и предприятий на счетах имелось около 1 трлн рублей. И здесь-то небрежение социальными проблемами рикошетом ударило по структурным преобразованиям в экономике. Все основные фонды страны оценивались тогда в 2 трлн рублей. Многие специалисты расценивали готовность владельцев этих денег вложить свои средства в акции или в прямой выкуп государственных предприятий в 300–400 млрд руб. По мнению академика Н. Шмелева, без конфискации “15–20% всей государственной собственности могло бы быть в 1992–1993 гг. выкуплено, то есть приватизировано нормальным путем, не задаром, а за деньги...”. Но когда нормальные накопления были одним ударом ликвидированы, остался только один путь приватизации крупной и средней государственной собственности — раздача ее задаром директорату и чиновничьим кланам [Шмелев 1996, с. 65–67].

Частично объяснение странностям начального периода трансформации дал профессор из Гарварда Д. Сакс, который был экономическим советником правительства Гайдара. В этом, по его мнению, в значительной степени была повинна позиция Запада. Как отмечал Сакс, исторический шанс реально повлиять на ситуацию в России был Западом упущен в 1992 г., когда развитые страны не предоставили финансовой помощи молодым, но, в основном, честным реформаторам под руководством Гайдара. Из-за отсутствия внешней поддержки под давлением экономических обстоятельств Ельцин, по мнению Сакса, был вынужден заключить “союз с дьяволом” в лице бывшей партийной номенклатуры. Молодые реформаторы в основном были изгнаны из правительства, и старые аппаратчики овладели контрольными позициями в управлении страной. Западные лидеры успокаивали себя тем, что эти люди, которые не вполне чисты на руку, но лучше, чем отъявленные экстремисты [Сакс 1995]. В этом

⁴ Один из авторов данной статьи был в то время членом коллегии ФСЗ.

контексте можно понять ситуацию безресурсности социальной политики, отсутствие каких-либо шансов сформировать социальное государство.

Президентская республика при Борисе Ельцине

После разрешения политического кризиса, длившегося с конца 1992 г. и завершившегося разгромом парламента (октябрь 1993 г.), выборов в Государственную думу (декабрь 1993 г.) и принятия новой Конституции, предоставившей президенту едва ли не абсолютистскую власть, полный контроль над обществом и государством сосредоточился в руках Ельцина и его ближайшего окружения. Влияние оппозиции на реальные акции в сфере внешней и внутренней политики было символическим и относительно легко погашалось за счет манипулирования парламентом и *mass media*. Поэтому именно к 1995–1996 гг. устоялся характер политики в социальной сфере и с того времени не менялся.

Авторитарный режим Ельцина строился на неустойчивом взаимодействии номенклатурно-чиновнических и квазибуржуазных олигархических сил. Последние были убеждены в своем всевластии, о чем многократно высказывался Б. Березовский, присвоивший в те годы функции оракула олигархов. Подлинно же всевластным оставался президент, под чьей защитой и паразитировали алчные приватизаторы национальных ресурсов. Ключевыми звеньями государственной политики этого времени были:

- снятие контроля государства за сохранностью государственной собственности и концентрация в руках коррумпированных чиновников и созданных самой властью крупнейших собственников государственных доходов от налогов, рентных платежей и особенно от приватизированной (точнее – раздаваемой “ближним”) государственной собственности;

- притворный характер самой приватизации (особенно на этапе залоговых аукционов);

- снятие контроля за вывозом капитала;
- снятие ограничений на сверхэксплуатацию рабочей силы;
- передача СМИ в руки созданных самой властью олигархов;
- организация инструментов повседневной связи “власть – политикообразующий бизнес”.

Результатом стало расширение и укрепление бюрократического рынка – наследия последнего этапа существования советской системы (см. [Кордонский 2000]). На этом рынке и коррумпированные чиновники, и бизнес-элита извлекали частнособственническую прибыль из слабеющего государства. Приведем примеры из наблюдений начальника Контрольного управления президента, позднее – заместителя руководителя Счетной палаты России, одного из ранних демократов страны Ю. Болдырева. За один только 1995 г. правительство вывело из России через механизм так называемых компенсаций из-за отмены льгот по ввозу спиртного и сигарет через Национальный фонд спорта (но это делал не фонд спорта, а правительство) целую треть федерального бюджета. Это составляло тогда порядка 9 млрд долл. (весь федеральный бюджет был тогда равен примерно 27 млрд долл.).

Другой пример из приведенных тем же Болдыревым – широко известная история с залогово-кредитными аукционами, по его словам, такова: “...отдельно проводилась сама сделка, отдельно банковские операции и т.д. – это ряд разных отчетов. Единственный документ, где все это соединено воедино, – это обращение в 1996 г. за моей подписью к генеральному прокурору. Была заведомо притворная сделка: кредит у банков на сумму примерно 700 млн долларов был взят правительством ровно из тех денег, которые сами положили только что в эти банки как якобы свободные валютные средства. Но уже под залог важнейших заведомо рентабельных госпредприятий. Фактически не залог, а право управления с присвоением прибыли, за которую – годичную прибыль предприятия – друзья правительства затем все это выкупили. То есть не то что мало заплатили – все

изначально за наши же деньги... И то, что они делали дальше, примерно в том же духе”. Отсюда Болдырев делает вывод, который частично приведен ниже: “На основании той информации, которой владею я, можно утверждать, что наша либеральная команда имеет, к сожалению, изъян в виде криминальной склонности. И в силу этой склонности конкретными их действиями стране нанесен рассчитываемый ущерб, но несопоставимо больший ущерб нанесен тем, что ради этих махинаций они практически тормозили развитие национальной экономики” [Болдырев 2016, с. 5].

Так работал механизм либеральной по форме системы с нераздельностью отношений “власть — собственность” после распада Советского Союза. Благодаря централизации государственной собственности и раздаче ее в “полное хозяйственное ведение” соответствующих должностных лиц принцип владения ею из исключительно корпоративного превратился в корпоративно-индивидуальный. Привилегированное меньшинство стало открыто богатым, господствующим и правящим классом, кровно заинтересованным в стабильности и мирном закреплении номенклатурно-бюрократического государственного капитализма.

Официальные документы российской государственности (начиная от опубликованной еще в 1991 г. Программы экономических реформ Правительства России, Конституции Российской Федерации, провозгласившей нашу страну “социальным государством”, вплоть до Плана действий Правительства Российской Федерации в области социальной политики и модернизации экономики на 2000—2001 гг. и более поздних законов, указов, программ) подтверждают, что стратегические цели декларируемой и законодательно закрепленной политики обеспечивают реализацию перечисленных выше задач. Но, дьявол, как известно, в деталях.

Ключевая в данном контексте проблема — состояние человеческого потенциала России, а это прежде всего состояние здоровья населения, уровень и качество его образования и профессиональной подготовки. Принятый ООН показатель ИЧР (индекс человеческого развития) интегрирует такие параметры, как долголетие, образованность и уровень жизни (ВВП на душу населения с поправкой на дифференциацию доходов). Очевидно, что по динамике ИЧР и следует оценивать качество социальной политики, поскольку он дает возможность сопоставить результаты, последствия воздействия этой политики с достижениями других обществ.

Еще к концу 1980-х гг. Россия входила по ИЧР в группу высокоразвитых стран, правда, находясь ближе к концу соответствующего списка. За годы реформ она из этого списка выбыла. За 1990—1995 гг. Россия сместилась с 52 на 72 место, “закрепившись” на нем вплоть до 2000 г. Самое при этом опасное — постепенная утрата групп населения — носителей инновационного потенциала [Доклад... 1999; Доклад... 1995]. В эти же годы во всех развитых и большинстве развивающихся стран имеет место тенденция не только относительного, но и абсолютного роста социальных затрат. Так, в США расходы на развитие человеческих ресурсов выросли с 49,4% в 1990 г. до 62% в 2000 г. [Червонная, Васильев 2000, с. 197].

Представители правительства выделяли приоритетные направления социальных реформ, при реализации которых необходимо:

- заменить субсидии социальной направленности, адресованные производителям, адресными компенсационными выплатами нуждающимся семьям;
- принять в области здравоохранения меры, направленные на усиление конкуренции медицинских учреждений в рамках системы обязательного медицинского страхования (это же касается и сферы образования);
- отказаться при проведении политики занятости от предоставления субсидий предприятиям на сохранение и создание рабочих мест, за исключением рабочих мест для инвалидов, бывших заключенных и других социально уязвимых категорий работников;
- прекратить в сфере социального страхования субсидирование санаторно-курортных и иных мероприятий;
- начать в ближайшие годы переход к накопительной пенсионной системе.

Налицо было явное и нескрываемое стремление федеральных властей ускорить осуществление неолиберальной модели социальных решений: максимально освободиться от обязанностей социального гаранта, минимизировать социальные выплаты, сделать их как можно более адресными, а также переложить заботу о социальной защите населения на регионы и индивидуальные возможности человека. Ход и результаты политики времен Ельцина могут быть оценены как невиданная по неприкрытости защита интересов правящих групп высшего чиновничества и олигархического капитала. В новой и новейшей истории, пожалуй, не было случая, чтобы в мирное время, при отсутствии каких-либо крупных природных катаклизмов, развитая индустриальная страна потерпела бы такой экономический урон (двукратное падение производства, грандиозный вывоз капитала) и такой спад в уровне и качестве жизни основной массы населения.

В Декларации “саммита—G-8” на Окинаве критерием нищеты был взят доход менее 1 долл. на человека в день. Порог бедности, по методике Всемирного банка, для стран Восточной Европы и бывшего СССР — 4 долл. в день. Если принять этот международный критерий, за порогом бедности у нас находились в 1999 г. 64% населения. Минимальный потребительский бюджет, обеспечивающий более или менее нормальную жизнь, должен был составлять на то время порядка 4000 руб. в месяц, то есть те самые 4 долл. в день. Между тем в первом квартале 2001 г. среднемесячный доход на душу населения в размере 3000—4000 руб. был у 10,3% россиян, а свыше 4000 руб. — у 11,8% [Ржаницына 2001, с. 9].

Несложно заметить, что ход событий в 1990-е и 2000-е гг. в России (впрочем, не только в России) разительно отличается от происходящего в таких постсоциалистических странах, как Чехия, Венгрия, Польша, Эстония и т.д. Все попытки лиц, причастных к руководству реформами в России, объяснить эти различия сводились к поиску виновных лиц, партий, обстоятельств. Доходило и до обвинений народа, не дозревшего до понимания благодетельности проводимых реформ.

Политика ельцинизма означала игнорирование интересов социальных низов и в то же время отсутствие поддержки социальных групп протосреднего класса (профессионалов, с одной стороны, малого и среднего предпринимательства — с другой). Режим, оставшийся без массовой социальной поддержки, превратил власть в безопорную конструкцию, которая могла рухнуть от малейшего толчка. Осенний кризис 1998 г. продемонстрировал это с полной очевидностью.

Формирование рынков и трансформация неравенства

Постсоветской России были необходимы новый тип воспроизводства человеческих ресурсов и новая система занятости, которые могли бы обеспечить сдвиг в уровне и качестве экономического роста. Речь идет не только о повышении квалификации и большей ответственности, но прежде всего о возрастании потенциала мобильности, готовности адаптироваться к быстро меняющимся запросам работодателей к качеству человеческих ресурсов. Поэтому населению России необходимы были радикальные изменения в традиционном поведении и ценностных ориентациях (преодоление привычки к патернализму, уравнилельным формам распределения, функциональной неграмотности, приобретение навыков к жизни в условиях негарантированной занятости, готовности к смене форм активности, профессии, места жительства и т.д.).

Совершенно очевидно, что формирование и развитие цивилизованного рынка труда требует адекватной политики в сфере занятости. Но менее очевидно, что переход от квазирыночных трудовых отношений раннего постсоветского периода к реально рыночным связан с острейшей борьбой групп интересов по поводу типа складывающегося рынка труда, степени его конкурентности, меры зависимости от бюрократии. Из наиболее значимых характеристик российского рынка труда, проявившихся уже к середине 1990-х гг., можно назвать:

1. Изменения структуры занятости происходили стихийно, при отсутствии продуманной промышленной политики. Сформировавшаяся к тому времени структура

занятости заложила долговременные основы для экономической системы, ориентированной на сырьевые отрасли, существенную долю посреднических услуг различного характера и мощный аппарат чиновников. Увеличение численности рабочей силы происходило в добывающих отраслях, в сфере обращения, особенно денежного, а также в органах государственной власти всех уровней. Эти процессы шли на фоне систематического высвобождения работников обрабатывающей промышленности, науки, проектно-конструкторской деятельности, образования, культуры.

2. Неформальная занятость стала основой активно развивающейся и наиболее жизнеспособной на тот момент неформальной экономики. Сложилась ситуация, при которой рынок труда (при отсутствии должного интереса властей и идеологов реформ к политике занятости) обеспечивал и, как показало время, на длительный период воспроизводил социальную базу для неформальной экономики, которая по различным оценкам давала от 20 до 35% ВВП. Это означало существенное сужение сферы государственного влияния и контроля над сферой занятости, что фиксировали мониторинговые исследования, проводимые ВЦИОМ в 1990-х гг.

3. Безработица стала одной из основных причин бедности населения России. В 1990-е гг. она приобрела застойный характер, в некоторых регионах стала хронической. В отличие от западных стран, где в группы риска входят прежде всего женщины, инвалиды, молодежь, в России безработица особенно затронула лиц с высшим образованием, наиболее подготовленных и квалифицированных. Ситуация на рынке труда создала в России обширный социальный слой “новых бедных” — людей, которые хотят и могут работать, имеют высокий профессиональный и образовательный уровень, но либо практически не работают, либо получают нищенскую зарплату за свой труд.

Можно считать (и мы не одиноки в своей оценке), что цивилизованного классического рынка труда в России в начале 1990-х гг. не сформировалось. К признакам неразвитости рынка труда можно отнести доминирование государства как работодателя, отсутствие профсоюзов как стороны на рынке труда, низкую производительность труда, низкую и негарантированную оплату труда, неоправданную дифференциацию в оплате труда вне связи с его количеством и качеством, скандально плохие санитарно-гигиенические условия труда. Средний и малый бизнес был вытеснен на периферию экономики, где и стагнировал.

В советском обществе на первоначальном этапе его развития масштабы неравенства были несопоставимы ни с каким другим современным индустриальным обществом; существовала длиннейшая иерархическая лестница статусов и социальных групп — от самого низа пирамиды, где находились миллионы умиравших от голода заключенных, до мигранта-рабочего в первом поколении, занятого тяжелым непрестижным трудом, а от последнего до министра или крупного партийного работника, человека особой породы, жившего на уровне преуспевающего западного лидера корпорации.

Под влиянием потребительского рынка и проторынка рабочей силы эта иерархия начала лопаться. Особенно на данный процесс повлиял дефицит рабочих рук. Рынок, даже такой извращенный, выступил в роли эгалитизирующего фактора. Резко уменьшилось количество эзков как рабской бесплатной рабочей силы, оставшимся пришлось что-то платить, как-то их кормить; крестьяне получили возможность относительно свободной миграции, в колхозах начали выдавать заработную плату; рабочим стали строить отдельные квартиры и т.д. Другими словами, резко уменьшилось неравенство. Одако новое, пусть и меньшее по размерам, неравенство самим населением стало восприниматься как его увеличение, ибо оно не укладывалось в привычное статусно-иерархическое (сословное) мышление. Стало возможным сравнивать и сопоставлять себя и соседа, себя и начальника, у которого, скажем, помимо служебной автомашины теперь появилась собственная.

С точки зрения теории административного рынка Россия в период, предшествовавший реформе, представляла собой совокупность офисов, контор, предприятий, которые были связаны сложной системой взаимных отношений и взаимных обязательств. И эта система начала постепенно разрушаться. Ведь чем сложнее

становилось хозяйство, тем чаще не срабатывали вертикальные связи, эффект давали только горизонтальные. Центр потерял всякую экономическую функциональность. Инстинкт самосохранения понудил власть начать перестройку.

Задача долговременной трансформации состояла в том, чтобы распределить отношения между предприятиями, ведомствами, дабы они могли стать агентами на рынке, заключающими между собой сделки, исходя из рыночных интересов. Этот процесс мог пойти по-разному: свестись к ремонту существующей системы, повышению ее эффективности или к ее демонтажу. В первом варианте на выходе мы получаем государственно-монополистический корпоративистский капитализм; во втором — капитализм демократический, социально ориентированный.

Упущенные шансы или историческая предопределенность

Т. Заславская попыталась интегрировать размышления ученых и публицистов об альтернативных путях развития России в начале 1990-х гг. В этой связи она выделила три типа развития социально-экономической системы капитализма, возможных в России:

1. “Социал-демократический капитализм европейского типа” с ориентацией на рациональное сочетание государственной, смешанной и частной собственности, с активной антимонопольной политикой, первоочередной приватизацией малой и средней государственной собственности, поощрением малого и среднего бизнеса, социальной защищенностью граждан, интенсивным формированием среднего класса. Очевидно, что этот тип развития имел и имеет массовую поддержку среди населения.

2. Либеральный капитализм латиноамериканского типа с минимальным вмешательством государства в экономику, концентрацией бывшей государственной собственности в руках политической и экономической элиты, разделом внутреннего рынка между крупными мафиозно-монополитическими группами, значительной и возрастающей социальной поляризацией, слабой социальной защищенностью трудящихся, медленным развитием среднего класса, маргинализацией десятков миллионов людей.

3. Возврат к государственно-монополистическому капитализму советского типа с ликвидацией свободы экономической деятельности, ограничением и даже запрещением частного бизнеса, воссозданием бюрократического квазирынка, многосторонними, но низкими социальными гарантиями, восстановлением социально замкнутого высшего класса, слабой стратификацией остального общества (“равенство в нищете”) [Заславская 1993, с. 6–7].

В социологической науке традиционно признается наилучшим для любой страны вариант развития, при котором максимально обеспечивается равенство условий жизненного старта вне зависимости от имущественного положения, места во властных отношениях, социального статуса. Многие социологи настаивали на том, что в России были все предпосылки для совершения на переломе 1980–1990-х гг. “подлинной и действительно народной приватизации”, что были условия для проведения демократической революции, для осуществления комплекса коренных, радикальных реформ, направленных на возвращение народу власти и собственности, на решительное расширение сектора малого и среднего бизнеса за счет крупного (номенклатурного).

Однако, на наш взгляд, реалистичнее были те авторы, которые, исходя из факта реального распределения собственности в дореформенный период, утверждали, что сложившееся к концу 1980-х гг. соотношение сил сделало неизбежным захват номенклатурой контрольных позиций в приватизирующейся экономике. Это был единственный путь мирного решения вопроса о собственности. Поскольку есть шанс отделить собственность от власти, то есть и перспектива сформировать свободный рынок, на котором собственность все равно будет перемещаться из рук в руки, подчиняясь закону конкуренции. И вопрос сводится именно к разрыву

связи “власть — собственность”. С того момента, когда владение собственностью не освящается властью, наступает (пусть и не сразу) нормальная обстановка для формирования отношений демократического конкурентного капитализма. Эта “нормальная обстановка”, в России, к сожалению, так и не сложилась.

Практически весь директорский корпус остался на своих местах, а лидеры министерств и ведомств либо получили крупные посты в исполнительных органах власти, либо возглавили концерны и банки национального масштаба. Постепенно директорат добился контрольных позиций в правительстве России, где на июнь 1996 г. и председатель, и его первые и не первые заместители плюс многие министры вышли из старого директорского корпуса (В. Черномырдин, В. Каданников, Ю. Яров и др.) [Николаев 1996]. Мэрии обеих столиц также возглавили выходцы из директората (в Москве — Ю. Лужков, в Петербурге — В. Яковлев).

Одновременно с вхождением на властный Олимп эти люди продолжали контролировать мощные финансово-промышленные группы: нефтегазовый комплекс, ядро которого образует Газпром — одна из крупнейших монополий мира, была первоначально отстроена как Министерство газовой промышленности СССР, а затем, еще в советское время преобразована в государственную корпорацию Черномырдиным; так называемая “Московская группа”, имеющая доступ к огромному финансовому и промышленному потенциалу Москвы, имела своего лидера Лужкова; прозападно ориентированный бизнес сгруппировался вокруг бывшего первого вице-премьера А. Чубайса; группа, представленная лицами из президентского окружения, взяла под свой контроль военно-промышленный комплекс, ювелирную промышленность и производство стратегических материалов [Грэхем 1995].

Попытки покуситься на интересы директората никогда и ни к чему не приводили. Все 1990-е гг. любые законы трансформировались в их интересах. Но против законов рынка не устояли и всемогущие директора. По данным А. Радыгина, их доля в акционерном капитале составила в апреле 1994 г. 9%, а в июне 1996 г. — 16%. Как видим — рост, и притом ощутимый; но за эти же годы доля сторонних акционеров (“аутсайдеров”) выросла с 21 до 45%, в том числе крупных — с 11 до 32%, мелких — с 10 до 13%; уменьшилась доля акций у работников предприятий (с 53 до 35%) и у государства (с 17 до 4%). Как видим, директорат не смог существенно увеличить свой пакет акций и превратиться в подлинного хозяина национальной экономики. Молодые коммерческие банки, страховые компании, пенсионные фонды, брокерские дома и т.д., возглавляемые неопитами коммерции и бизнеса (включая высокий процент выходцев из комсомола), с исключительной быстротой заняли контрольные позиции в акционерном капитале большинства предприятий. К чему это приведет, будет рассмотрено в заключительных разделах статьи.

По мнению многих аналитиков, на стыке 1980—1990-х гг. у России еще был некоторый шанс пойти буржуазно-демократическим путем с опорой на средние слои населения, особенно крупных городов. Однако правящие круги переломили демократическую активность масс, удержали Россию от демократической революции, наподобие тех, что прошли в Венгрии, Польше, Чехии, странах, вставших на путь подлинно капиталистического и демократического развития. Как откровенно и точно высказался Ельцин: “В сентябре — октябре (1991 г.) мы прошли буквально по краю, но смогли уберечь Россию от революции” [Буртин 2000].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев С.Ю. (1989) Структура власти и задачи общества // Нева. № 1. С. 144—173.

Болдырев Ю.Ю. (2016) Как либералы продавали Россию: “Крыса съест три зернышка, миллион провоняет” // Московский комсомолец (<http://www.mk.ru/politics/2016/12/08/kak-liberaly-prodavali-rossiyu-krysa-sest-tri-zernyshka-million-provonyayet.html>).

Буртин Ю.Г. (2000) Чужая власть // Независимая газета (http://www.ng.ru/specfile/2000-10-13/12_vlast.html).

Гайдар Е.Т. (1995) Государство и эволюция. М.: Евразия.

Гайдар Е.Т. (1992) Россия и реформы // Известия. № 187. С. 4—10.

- Грэхем Т. (1995) Новый российский режим // Независимая газета. 23 ноября. С. 4.
- Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. (1995) М.: Academia.
- Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. (1999) М.: Academia.
- Заславская Т.И. (1993) Трансформация российского общества как предмет мониторинга // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. № 2. С. 3–8.
- Коломиец В.П., Улюкаев А.В., Шкаратан О.И. (1994) Новая власть в новой России. М.: Издательство Института экономических проблем переходного периода.
- Кордонский С. (2000) Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: О.Г.И.
- Майер В.Ф. (1988) Планирование социального развития и повышения уровня жизни народа. М.: Издательство Московского университета.
- Николаев А.И. (1995) Технократическая элита и политическая трансформация // Свободная мысль. № 5. С. 61–63.
- Рабочий и инженер. Социальные факторы эффективности труда. (1985) Под ред. О. И. Шкаратана. М.: Мысль.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И. (1996) Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс.
- Ржаницына Л.С. (2001) Синдром козы // Московские новости. № 3. С. 17–23.
- Сакс Дж. (1995) Кому грозит коррумпированная Россия? // Московские новости. № 87. С. 7.
- Червоная С.А., Васильев В.С. (2000) Политическая система США: Актуальные измерения. М.: Наука.
- Шмелев Н.П. (1996) Пять лет реформ – пять лет кризиса // Свободная мысль. № 7. С. 60–73.
- Lapidus G.W., Swanson G.E. (eds.) (1988) State and Welfare USA/USSR. Contemporary Policy and Practice / Institute of International Studies. Berkeley: Univ. of California.
- Standing G. (1996) Social Protection in Central and Eastern Europe: a Tale of Slipping Anchors and Torn Safety Nets // Welfare States in Transition: National Adaptations in Global Economies. Ed. by Esping-Andersen. G. London: SAGE Publications.

Post-Soviet Statehood and Society. Part 2. Social and Labor Market Policy at the Stage of Post-Soviet Statehood Forming

*S. KOROTAEV**,
*O. SHKARATAN***,
*E. GASIUKOVA****

***Korotaev Sergey** — Trainee Researcher of the Laboratory for Comparative Analysis of Development in Post-Socialist Countries NRU HSE. Address: Malaya Pionerskaya 12, Moscow, 115054, Russia, E-mail: skorotaev@hse.ru

****Shkaratan Ovey** — Doctor of Sciences in Historical Sciences and Archaeology, Tenured Professor NRU HSE, Head Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist Development NRU HSE, Chairman of Editorial Council in journal “Universe of Russia. Sociology. Ethnology”. Address: Shabolovka 26/4, Moscow, 119049, Russia. E-mail: ovsey@hse.ru

*****Gasiukova Elena** — Trainee Researcher of the Laboratory for Comparative Analysis of Development in Post-Socialist Countries NRU HSE. Address: Malaya Pionerskaya 12, 115054, Moscow, Russia. E-mail: egasyukova@hse.ru

Abstract

The article 2 (article 1 in “OSS and CW” 2017, no. 4) demonstrates factors determined the reforms’ tendencies in the Russian social policy in 1900th, mainly in labor market: it’s inertness from soviet policy jointly with influence of social state models realized in the western countries mattered. It’s shown the transition from quasi-market employment relationships at early post-soviet stage to real ones were overburdened by struggle of the governing circles who tried to direct the social policy course in the most beneficial for them variant. During this period the format of social contract, labor market transformation, its competitiveness and dependence from bureaucracy were corrected which rather carried the affirmation of state monopolistic corporate capitalism in the country.

Keywords: social policy, employment relationships, social contract, post-soviet Russia.

REFERENCES

- Andreev S.Y. (1989) Struktura vlasti y zadachi obschestva [The government structure and the social challenges]. *Neva*, no. 1, pp. 144–173.
- Boldyrev Y.Y. (2016) Kak liberaly prodavali Rossiyu: “Krysa sjest tri zernyshka, million provonyaet” [How the liberals sold Russia out: “A rat eats three grains, and million more will stink of”]. *Moskovskiy komsomolets* (<http://www.mk.ru/politics/2016/12/08/kak-liberaly-prodavali-rossiyu-krysa-sest-tri-zernyshka-million-provonyaet.html>).
- Burtin Y.G. (2000) Chuzhaya vlast' [The alien authority]. *Nezavisimaya gazeta* (http://www.ng.ru/specfile/2000-10-13/12_vlast.html).
- Chervonnaya S.A., Vasilyev V.S. (2000) *Politicheskaya sistema SShA: Aktual'nye izmereniya* [The political system of the USA: Current measurements]. Moscow: Nauka.
- Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossijskoi Federacii* (1995) [The human potential development report in Russian Federation]. Moscow: Academia.
- Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossijskoi Federacii* (1999) [The human potential development report in Russian Federation]. Moscow: Academia.
- Gaidar E.T. (1995) *Gosudarstvo i evolyutsia* [Government and evolution]. Moscow: “Evraziya”.
- Gaidar E.T. (1992) Rossiya i reformy [Russia and reforms]. *Izvestiya*, no. 187, pp. 4–10.
- Graham T. (1995) Novyi rossijskiy rejim [The new Russian regime]. *Nezavisimaya gazeta*. November 23, p. 4.
- Kolomiets V.P., Ulyukaev A.V., Shkaratan O.I. (1994) *Novaya vlast' v novoy Rossii* [The new authority in the new Russia]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta ekonomicheskikh problem perechodnogo perioda.
- Kordanovskiy S. (2000) *Rynki vlasti. Administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Market power. Administrative markets of USSR and Russia]. Moscow: O.G.I.
- Lapidus G.W., Swanson G.E. (eds.) (1988) *State and Welfare USA/USSR. Contemporary Policy and Practice*. Berkeley: University of California.
- Mayer V.F. (1988) *Planirovaniye social'nogo razvitiya i povysheniye urovnya zhizni naroda* [Social development planning and improvement of living standards]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta.
- Nikolaev A.I. (1995) Tekhnokraticeskaya elita i politicheskaya transformatsiya [The technocratic elite and the political transformation]. *Svobodnaya mysl'*, no. 5, pp. 61–63.
- Rabochiy i inzhener. Social'nye factory effektivnosti truda* [A worker and an engineer. Social determinants of labor effectiveness] (1985). Ed. by O.I. Shkaratan. Moscow: Mysl'.
- Radaev V.V., Shkaratan O.I. (1996) *Social'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Moscow: Aspect-Press.
- Rzhanitsyna L.S. (2001) Sindrom kozy [A goat syndrome]. *Moskovskie novosti*, no. 3, pp. 17–23.
- Sax J. (1995) Komu grozit korrumpirovannaya Rossiya? [Whom does the corrupted Russia threaten?]. *Moskovskie novosti*, no. 87, p. 7.
- Shmelev N.P. (1996) Pyat' let reform – pyat' let krizisa [Five years of reforms – five years of crisis]. *Svobodnaya mysl'*, no. 7, pp. 60–73.
- Standing G. (1996) Social Protection in Central and Eastern Europe: a Tale of Slipping Anchors and Torn Safety Nets. *Welfare States in Transition: National Adaptations in Global Economies*. Ed. by Esping-Andersen G. London: SAGE Publications.
- Zaslavskaya T.I. (1993) Transformatsiya rossijskogo obschestva kak predmet monitoringa [Transformation of Russian society as the subject for the monitoring]. *Ekonomicheskiye i social'nye peremeny: monitoring obschestvennogo mneniya*, no. 2, pp. 3–8.